

В а л е р и й С а м о й л о в

СХВАТКА НА ДНЕ...

Детектив-экшен

Валерий Самойлов

Схватка на дне

«Горизонт»

2016

Самойлов В.

Схватка на дне / В. Самойлов — «Горизонт»,
2016 — (Детектив-экшен)

ISBN 978-5-906858-91-7

Субмарины специального назначения ВМС США «Хэлибат», «Сивулф», «Парч»... Невероятно, но факт. В мирное время, американские подводники с атомной подводной лодки «Си Вулф», выполнявшей спецоперации военно-морских сил США в закрытом для иностранцев Охотском море, знали, что в каюте капитана есть кнопка самоликвидации и в случае захвата русскими, все они будут уничтожены зарядами взрывчатки, заложенными в носу и корме. Эта тайна за семью печатями стала известна недавно. Не припомню, чтобы на подводных лодках других стран в мирное время было что-то подобное. В период описываемых событий погибает вместе со всем экипажем советская субмарина К-129. В этой драматической истории слишком много странных совпадений и неясностей, как, впрочем, и в истории с гибелью в один и тот же год американской субмарины «Скорпион»... Я не мог оставить без внимания все эти факты и не написать данную книгу. Особенностью книги является наличие уникальных документов о погибшей подводной лодке К-129 и предварительная читка глав романа вдове старшего помощника командира К-129 Ирине Журавине, которая встречалась с реальным капитаном американской субмарины «Хэлибат» Кларенсом Муром... Автор благодарит Кинокомпанию Michael White Films за предоставленные фотографии о К-129.

ISBN 978-5-906858-91-7

© Самойлов В., 2016

© Горизонт, 2016

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерий Самойлов

Схватка на дне

*Субмарины специального назначения ВМС США «Хэлибат», «Сивулф», «Парч»... Невероятно, но факт. В мирное время, американские подводники с атомной подводной лодки «Си Вулф», выполнявшей спецоперации военно-морских сил США в закрытом для иностранцев Охотском море, знали, что в каюте капитана есть **кнопка самоликвидации** и в случае захвата русскими, все они будут уничтожены зарядами взрывчатки, заложенными в носу и корме. Эта тайна за семью печатями стала известна недавно. Не припомню, чтобы на подводных лодках других стран в мирное время было что-то подобное.*

В период описываемых событий погибает вместе со всем экипажем советская субмарина К-129. В этой драматической истории слишком много странных совпадений и неясностей, как, впрочем, и в истории с гибелью в один и тот же год американской субмарины «Скорпион»...

Я не мог оставить без внимания все эти факты и не написать данную книгу.

АВТОР

Глава первая

Секретная миссия

Западное побережье США, середина 60-х годов XX века. Борт американской атомной субмарины «Гоуст»¹.

– Она не тонет, сэр! – воскликнул старшина Тони Канетти и его громовой голос эхом отозвался в ночной тиши.

Луч прожектора высветил на поверхности моря какую-то коробку, привязанную длинным шнуром к корпусу подводной лодки. По всем расчетам она должна была затонуть, но, по непонятной пока причине, продолжала оставаться на плаву. Внутри коробки находился имитатор головной части русской крылатой ракеты, который после отделения и погружения предстояло найти на морском дне с помощью глубоководного аппарата.

– Кто не тонет? Лодка? – прозвучало откуда-то сверху и все, кто стоял на корпусе подводного атомохода, посмотрели на верхнюю часть рубки.

– Какого черта вы тут делаете, лейтенант? – ледяным голосом произнес капитан субмарины Эдвард Бест и проорал в переговорное устройство:

– Старпом! Я же сказал: никого не пускать наверх! Что не ясно?

– Виноват, сэр! Сейчас разберусь! – раздалось в динамике и тут же откуда-то из чрева лодки донесся душераздирающий рёв старпома, завершившийся какими-то недобрыми пожеланиями в адрес матери лейтенанта:

– ...твою мать!

– Разбирайся быстрее, – вслух произнес капитан, – пока я не включил счетчик.

В экипаже четко знали, что капитан пунктуально фиксирует в своем дневнике все нарушения. Когда дело доходило до выплаты премиальных, он подробно и дотошно объяснял каждому проштрафившемуся причину вычета энной суммы зеленых купюр. Но на этот раз, он и при особом желании не включил бы свой счетчик, потому что возникли форс-мажорные обстоятельства, озвученные криком старшины Канетти:

– Волна! С кормы заходит волна!

Увлеченные испытаниями новой секретной техники, подводники не заметили усиления ветра и появления океанской волны. Она предательски, бесшумно зашла с кормы и приподняла их над корпусом атомохода.

Капитан, руководивший затоплением имитатора, находился в районе реакторного отсека и был единственным, кто не надел спасательный жилет и не пристегнулся специальным карабином со страховочным тросом к корпусу субмарины. В этом состояла некая бравада, презрение реальной опасности и это могли себе позволить только он, старпом и главный инженер ядерной силовой установки – все остальные храбрецы беспощадно наказывались.

Несмотря на отчаянное сопротивление и попытки ухватиться за корпус, капитана смыло за борт и первым это заметил чернокожий Канетти. С криком: «Капитан за бортом!», он бросился следом за ним, но повис на своем же страховочном тросе с правого борта в районе первого отсека. Трос запутался и зацепился за у-образный стальной кнехт, выступающий над палубой и служащий для крепления буксирных канатов.

– Тони, назад! Не смей отстегиваться! Я приказываю...

¹ Гоуст – по-английски ghost – призрак

Это были последние слова капитана, услышанные подводниками в ходовой рубке, в том момент, когда он увидел как старшина, чтобы прийти ему на помощь, отстегивает карабин. Механизм заклинило, и теперь сам Канетти оказался в смертельной опасности. Очередная волна подбросила его вверх и понесла дальше в носовую часть субмарины. Не раздумывая ни секунды, Тони ухватился обеими руками за попавшийся на его пути обтекатель гидроакустической станции и получил шанс быть спасенным. Он обернулся и что-то прокричал. Подводники, скопившиеся в ходовой рубке, мигом сообразили, что ему нужен нож и новый трос, но смогли их подать только с третьей попытки. Канетти, держась за новый трос, тут же перерезал ножом прежний, и его понесло вправо по течению волны. Подводники быстро подтянули старшину к рубке, опоясанной по периметру стальным леером. Тони взялся за леер и добрался до рубочной двери, которая была наполовину в воде. Кто-то мгновенно открыл и закрыл за ним дверь, затащив в рубку. Старшина был спасен.

Тем временем волны уносили капитана все дальше и дальше в океан. Что думал он в эти роковые минуты, на что надеялся? Как ни странно, Бест в этот момент корил самого себя. Как же так? Он, строгий, педантичный капитан, допустил такую оплошность, позволив лишиться самого себя средств спасения. Какая глупость! Он лихорадочно вспоминал своих коллег: кто из капитанов-подводников Соединенных Штатов уже оказывался в подобной ситуации? Никто не приходил на ум, потому что таковых не было. Он первый и это злило его еще больше. Теперь о нем будут вспоминать на каждом военно-морском совещании. «О живом или... мертвом?» – мигом пронеслось в голове, и до него, наконец, дошло, что жизнь его висит на волоске. На каждой верхней амплитуде волны Бест всматривался в ночной горизонт, но не находил там никаких корабельных огней. «Где же субмарина? – разговаривал он сам с собой. – Ведь она не могла далеко уйти. Мистика какая-то...» Он вращал головой на триста шестьдесят градусов, но все было тщетно.

– Старпом?! – отчаянно прокричал Бест куда-то вдаль, находясь на гребне очередной волны, и вдруг почувствовал, что силы начинают покидать его. Он перевернулся на спину, чтобы немного отдохнуть и стал почему-то вспоминать свой экипаж. Он учил их быть профессионалами высшей разряда. Учил быть, прежде всего, моряками и порядочными людьми. Бест часто говорил: «Экипаж – одна семья!», был требовательным ко всем и к себе в первую очередь. В его воображении мелькали лица подводников, и он уже начал мысленно прощаться с ними, упуская все допущенные ими ранее ошибки. Но, что это? Они вдруг стали отворачиваться от него. Почему?... Страх! Вот, что оттолкнуло их от своего кумира. Ему не должно быть ведомо это чувство, но оно все же появилось откуда-то изнутри. Это был тот самый животный страх, возникающий в стрессовой ситуации, когда человек осознает свою неминуемую гибель. Страх проникает в каждую клеточку организма и может парализовать волю и тогда, даже решительный и смелый человек, привыкший рисковать и не раз смотревший смерти в глаза, каковым, несомненно, был капитан Эдвард Бест, от этой реальной грозящей опасности, может стать робким, слабеющим и беспомощным. Капитан спецподки «Гоуст» обладал огромной силой воли и старался подавить страх, продолжая бороться за свою жизнь.

«Может это судьба? – подумал он, когда настал момент истины. – Ведь каждому предначертаны его первые и последние моменты жизни. Боже! Ну, чем я провинился перед тобой? Ведь я старался для всех... Да, я бываю строг, но по-другому нельзя. Ведь это подводная лодка, а ни какая-нибудь рыбацкая шаланда. И кто я теперь? Тело, которое тянет на дно... Нет, ни за что! Я буду бороться до конца! Я капитан субмарины и этим сказано все!»

Бест сжал всю свою волю в кулак, разделся до трусов – так было легче находиться в воде, приподнялся на гребне волны, чтобы его заметили и, что было сил, снова прокричал:

– Старпом?!

В ответ – тишина. Он рассвирепел, и хотел было послать ко всем чертям своего старпома, а заодно и эту подводную службу, которой посвятил всего себя без остатка и, может быть именно поэтому был до сих пор не женат, как вдруг увидел очертания рубки своей субмарины, надвигающейся из ночного мрака прямо на него. Сигнальщик освещал прожектором горизонт на кормовых курсовых углах, полагая, что они уже промахнулись и капитан должен быть где-то сзади. Но на всякий случай провел лучом и по курсу движения. В этот момент капитан приподнял обе руки и крикнул из последних сил:

– По-мо-ги-те!

Прожектор ослепил ему глаза, и тут же подводная лодка стала резко поворачивать влево. Бест понял, что его заметили и чтобы не наехать, переложили руль лево на борт. Все верно, именно так он учил старпома уклоняться от плавающей мины. Сейчас, на начальной стадии циркуляции, он переложит руль право на борт и это поможет избежать столкновения... не с миной, а с ним, с капитаном суперсекретной атомарины «Гоуст». Одновременно, кто-то здоровый и сильный в спасательном жилете бросился с правого борта в воду и мощными рывками быстро подплыл к нему, развернул к себе спиной, захватил мертвой хваткой...

Конечно, спасателем оказался старшина Канетти. С того момента, когда он не смог помочь самому капитану, Тони не находил себе места. Он напросился в спасатели, не принимая никаких доводов против его участия в этой миссии. Особенно противился корабельный доктор, полагая, что ему нужно прийти в себя, после того как тот побывал в экстремальной ситуации. Чернокожий Тони сверлил его своими огромными глазами и док, поняв бессмысленность аргументов, махнул на все своей хирургической рукой и отправился в каюту собирать походный чемоданчик, не забыв дать благородному спасателю совет:

– Вы..., походите по отсекам, надо немного размяться.

Желающих спасти капитана было предостаточно, но все согласились допустить старшину, предоставив ему в помощники двух хорошо подготовленных пловцов. Тони в такт качке бродил по отсекам, как ему посоветовал док, демонстрируя свои огромные бицепсы и приговаривая:

– Я это сделаю! Я спасу капитана Беста!...

Несмотря на волны, которые по-прежнему заливали палубу, а порой и рубку, моряки быстро выбрали трос, подтянув к корпусу субмарины капитана и его спасателя. Из рубки, рискуя самым оказаться за бортом, выскочили два матроса. Они, находясь на палубе по пояс в воде, подхватили капитана и Тони и каким-то немыслимым способом вчетвером умудрились втиснуться в проем рубочной двери. Кто-то снял стопор и дверь с грохотом закрылась, перекрыв доступ воде, проникающей во все свободные пространства. Спасатели сами чуть не захлебнулись, будучи уже в рубке, пока поднимали капитана по ступенькам к горловине верхнего рубочного люка, стараясь приподнять его над водой.

Обессиленного капитана бережно опускали в вертикальный рубочный люк. Это был тот самый люк, который всегда считался капитанским. Верхнюю крышку люка он должен был лично открывать при каждом всплытии субмарины на поверхность и закрывать при ее погружении в бездну. Это было его заведование, и он не хотел, чтобы кто-то иной здесь распоряжался. Он даже пытался вырваться и самостоятельно спуститься на нижнюю палубу внутрь атомохода, но кисти рук кто-то осторожно отрывал от вертикального трапа и поручней, прижимал к груди и его словно кокон, перевязанный нагромождением каких-то узлов и связок, строго вертикально опускали вниз, передавая из рук в руки. Кто были эти люди, вжавшиеся в стенки вертикального рубочного люка? Не те ли, которых он мог еще недавно отчитать по полной программе? Да, это были они. Это были те самые подводники, с которыми он чуть было не попрощался, находясь один на один в океане. Здесь не было старших по званию и младших, белолицых, смуглых или чернокожих. Здесь были моряки-подвод-

ники, спасшие своего неординарного капитана. Может, это и была та самая семья, о которой он так много говорил. И название этой семьи было экипаж!

Растроганный таким вниманием, он откровенно плакал и никто его за это не осуждал. Но все знали, что будет он как прежде строгим и дотошным, не допускающим послаблений и упрощений, порой не любимым, но справедливым. Он капитан субмарины и этим сказано всё.

Старпом, в нарушение всех правил, остался с капитаном в его каюте. Он пытался объяснить, что предпринял все меры, пытаясь его спасти. Но Бест лишь благодарно кивал головой и, выслушав до конца, тихо сказал:

– Ты сделал все верно... Спасибо тебе!

– Слава Богу, сэр! И... я все же приглашу доктора. Он стоит за дверью.

– Не надо, Джон. Я оклемаюсь. Достань из шкафчика виски. Для меня это лучшее лекарство в данный момент. Повезло с температурой воды – иначе бы я с тобой сейчас не разговаривал.

– Да, сэр! – сказал старпом, наливая капитану и, дождавшись его кивка в свою сторону, себе. – Здесь теплое течение и...

– Что с имитатором? – перебил старпома Бест, для которого служебные дела оставались главнее всех других, хоть речь сейчас шла о его собственном здоровье.

– Я приказал вытащить его из коробки – она создавала излишнюю плавучесть.

– А секретность? – строго произнес Бест. – Никто не должен знать о содержании коробки кроме нас двоих, старшины Канетти и «спецов» – спецподразделения по обслуживанию глубоководного аппарата. Кто был еще на палубе?

– Дежурный офицер. Если бы мы его выставили раньше, вас бы не смыло за борт. Для внешнего наблюдения и организована верхняя вахта. Или я не прав?

– И что было дальше? – спросил Бест, уходя от не нужных, как ему казалось, объяснений.

Старпом был абсолютно прав. Более того, он возражал, когда Бест в целях обеспечения секретности испытаний приказал личному составу верхней вахты покинуть рубку, не оставив даже дежурного офицера.

– Офицеры спецподразделения, несмотря на штормовые условия, привязали к имитатору металлическую болванку и он тут же затонул. Место постановки объекта зафиксировано. Ждем вашей команды о начале глубоководных испытаний. Сэр?!

– Хорошо, Джон! Опускайте глубоководный аппарат и... будьте осторожны – он стоит несколько миллионов долларов.

– Да, сэр! Я в курсе, что «рыбка» дороговата.

– Ты сказал «рыбка»?

– Так аппарат окрестили «спецы».

– «Рыбка» так «рыбка»! И не забудь взять с дежурного офицера подписку о не разглашении военной тайны.

– Да, капитан! Но нужно брать расписку со всего экипажа – наше странное маневрирование не останется без внимания.

– В этом ты конечно прав. После испытаний, нас наспигуют взрывчаткой на случай захвата в плен русскими. И тут уж точно всем станет понятно кто мы и что мы. А пока наша «Гоуст» самая обыкновенная атомная подводная лодка. И только так все должны её воспринимать. Объясни это всем любознательным.

– Понятно, сэр.

Старпом ушел и вскоре атомоход на штатной глубине начал никому непонятное маневрирование: подлодка то зависала на одном и том же месте, то медленно двигалась вперед; затем она поворачивала на обратный курс и опять зависала. Не нужно быть большим зна-

током, чтобы сообразить – здесь что-то ищут. В экипаже стали догадываться об истинных целях похода и как только Эдвард Бест занял свое капитанское кресло на мостике, штурман не выдержал и сказал:

– Не кажется ли вам, сэр, что маневрирование на противоположных галсах несколько устарело. Можно найти объект и по другим методикам поисковых операций.

– Каким еще методикам? – раздраженно спросил капитан.

Он оглянулся по сторонам и заметил, что боевой расчет командного поста, как ни в чем не бывало, продолжал нести вахту – каждый занимался своим делом. Но Бест достаточно хорошо знал их повадки, и то, что присутствующие слушали их диалог в оба уха, не подавая при этом никаких признаков любознательности, он также знал. Поэтому громко, чтобы все слышали, Бест произнес:

– Пока действует инструкция о режиме секретности и допуске к испытаниям глубоководного аппарата ограниченного числа лиц. Но я и сам вижу, что потребуются изменить эти условия. А иначе, мы... не сработаем. Не обижайтесь господа и ждите моих дальнейших указаний. Так, что ты говоришь, устарело? – обратился он к штурману:

– Сэр, если позволите, я бы классифицировал объект как вражескую подлодку, с которой потерял контакт.

– И что из этого следует? – заинтересовался Бест.

– Из этого следует, сэр, что надо произвести расчеты генеральных курсов. Взять точку потери контакта с...

– Объектом, – ответил за штурмана капитан и добавил:

– К сожалению, мы действительно потеряли контакт. Одно радует, что мы имеем изначальную достоверную точку начала испытаний.

– Здесь сильное течение, сэр, – уточнил обстановку штурман. – И если бы...

– Если бы я привлек вас раньше, то имел бы сейчас расчет на снос по течению и дрейфу.

– Так точно, сэр!

– Ладно, штурман. Я уловил твою мысль. Ты предлагаешь произвести расчет длин радиусов-векторов от начальной точки поиска.

– Верно, сэр. По спирали с поворотом генеральных курсов на девяносто градусов. Мы замкнем район поиска, и объект никуда не денется. Так как мы ищем сейчас – все равно, что искать иголку в стоге сена.

– Штурман прав, – согласился Бест, показывая тем самым всем присутствующим, что сам он на их стороне и все они единомышленники в этом непростом деле. – Надо действительно замкнуть район в определенные границы.

– Боцман! Лево руля! – скомандовал Бест. – Механик! Турбина малый хо...

Капитан не договорил, потому что на мостик влетел один из «спецов», по покрасневшему лицу которого было видно: что-то там у них стряслось. Он стал тихо «сливать» информацию на ухо капитану, которое стало багроветь на глазах изумленной публики. Бест сурово взглянул в глаза «спецу», от чего тот чуть было не съёжился в клубок, и резко скомандовал:

– Стоп турбина!

Некоторое время Бест молча сидел в кресле, сжавшись как пружина, затем выпрямился, закинул ногу за ногу и, оглянувшись по сторонам, изрек:

– Поздравляю вас, господа! Только что, мы утопили аппаратуру стоимостью три миллиона долларов.

«Спец» опустил голову и, забыв про инструкцию о допуске, как это порой бывает у научных работников, начал мямлить про какие-то спайки подводного кабеля, которые должны быть цельные, а они не цельные и состоят из множества отрезков длиной в сотни метров. И вообще, в стране никто не хочет заниматься производством цельных семимиль-

ных кабелей, но у него есть еще одна «рыбка», которую он обязуется запустить на оставшемся обрывке кабеля.

Монолог «спеца» закончился на оптимистической ноте и все облегченно вздохнули. Иначе бы субмарину с позором вернули на судоремонтное предприятие в Бангор и поставили в сухой док. А это надолго. Тут была и финансовая сторона вопроса. За каждый выход в море им неплохо платили – ведь это были испытания новой техники. Правда эта новая техника находилась не на новой подводной лодке, которая ломалась в самый неподходящий момент. Так случилось и в этот раз. Не прошло и часа, после отчета «спеца» о проделанной им работе по утоплению дорогостоящей техники, как механик заорал на всю свою реакторную глотку:

– Сработала аварийная защита реактора! Корабль лишился хода!

Старпом, сменивший капитана десять минут назад, тут же связался с ним по телефону и доложил обстановку. Было принято решение продолжить испытания глубоководного аппарата, двигаясь под дизелями. Другого ничего не оставалось – не докладывать же в главный штаб военно-морских сил США об остановке реактора. В этом случае их уж точно вернули бы в базу. А тут оставался хоть какой-то шанс выгрести на испытаниях, если они закончатся удачно.

Капитан нервничал. Про себя, он уже проклинал тот самый день когда согласился перейти из боевого состава атомных торпедных подлодок на экспериментальную с чарующим названием «Гоуст», что в переводе на русский язык означает призрак. Ему расписали дальнейшую карьеру как безмятежную прогулку под водой в стиле знаменитого капитана Кусто, которому когда-то в пятидесятых годах командование военно-морскими силами Франции предоставило «отпуск для научных целей». Беста, по всем прогнозам, уже должны были засыпать лавровыми венками и благодарностями от самого президента Штатов. Пока же, он получал только пинки от тех самых начальников, которые и сосватали его на эту суперлодку. Впрочем, они и сами не ожидали такого изобилия поломок и миллионных потерь. Не радовала и перспектива размещения зарядов взрывчатки на случай захвата субмарины противником. И он, Эдвард Бест, должен был нажать эту пресловутую кнопку самоликвидации, которую планировали смонтировать в его капитанской каюте. Правда, все это было в перспективе, как и сам поход неизвестно куда.

– Дэвис, – обратился Бест к Дюреру, своему главному инженеру-механику, – что с реактором?

– Плохо дело, сэр. Я как-то вам рассказывал о специфике теплоносителя первого контура реактора. Он у нас жидкометаллический.

– Да, припоминаю тот разговор.

– Судя по докладу оператора главной энергетической установки Марка Лемана – он был на вахте, когда сработала автоматика реактора – у нас образовался своего рода тромб, который подобно тромбу кровеносной системы человека, закупорил одно из проходных отверстий уранового канала.

– И что из этого следует?

– Из этого следует, сэр, что нам не нужно больше запускать реактор. Мы все выходцы с дизельных подводных лодок – придется вспомнить молодость.

– Что произойдет, если мы все же попытаемся запустить реактор? – на всякий случай уточнил Бест.

– Сэр! – уверенно произнес Дюрер. – Я не советую этого делать, потому что мы получим критическое ухудшение радиационной обстановки. Прекратится теплосъем и, как следствие, загорится урановый канал. Температура горения достигнет тысячи градусов – нам не поможет никакая биологическая защита. Мы все будем облучены.

– У меня, Дэвис, складывается такое впечатление, как будто мы не подводники атомного флота, а подопытные кролики. Физики проводят на нас эксперименты и ждут резуль-

таты. Неужели не понятно, что нужно менять жидкометаллический теплоноситель, содержащий натрий и калий², на что-то другое. Сплав неизбежно дает окисление и шламы. Закупорки урановых каналов неизбежны. Я это говорю как бывший механик. В отличие от русского флота, где механикам путь на командирский мостик заказан, в американском флоте, наоборот, предоставляли такую возможность. Там понимали, что лучшего специалиста, досконально знающего субмарину, просто не существует. Бест достиг своего капитанского мостика, пройдя все ступени отборочной комиссии. Кем он только не был: интендантом, связистом, дежурным инженером-механиком. Далее по возрастающей служебной лестнице: он был главным инженером-ядерщиком, старшим помощником капитана.

Наконец, он стал ключевой фигурой на военном флоте – капитаном субмарины. К этому времени за его плечами было более десяти автономных дальних походов по боевому патрулированию. На «Гоуст», которая все больше напоминала научную лабораторию, требовался опытный капитан с безупречным механическим прошлым и Эдвард Бест для этой должности подходил идеально.

– Да, сэр, в этом вы несомненно правы, – продолжил Дэвис. – Физики обещают вновь вернуть нас к водяным теплоносителям первого контура, но когда это произойдет неизвестно. Кстати, у русских на атомоходах в основном по два реактора. У нас один – нет никакого резерва.

– Ладно Дюрер, С этим все понятно. Объявляй тревогу – пора менять регенеративные пластины. С тех пор как остановился реактор, ощущается нехватка кислорода. Хотя прямой связи с этим нет. Надо осмотреться в отсеках – откуда-то исходит явный запах тухлятины.

– Я проверю систему межотсечной вентиляции и... прошу разрешения объявить тревогу, сэр?

– Я же сказал: тревога!

– Тревога! – тут же проорал Дюрер по общекорабельной трансляции. – Все посты по боевому расписанию! Цель тревоги: смена регенеративных пластин. Доклады на мостик!

На атомных субмаринах первого поколения не было централизованных систем перезарядки регенеративных пластин, предназначенных для выработки кислорода, и каждый раз процедура перезарядки, проводимая во всех отсеках одновременно, требовала повышенного внимания. Попадание состава регенерации на палубу, и особенно на масляное пятно, могло привести к мгновенному возгоранию. Все это понимали, поэтому перезарядка проводилась в режиме тревоги и готовности немедленно начать борьбу с пожаром.

Получив доклады из отсеков о готовности к работе, Дюрер, запросив разрешение капитана, отправился в соседний отсек для контроля перезарядки регенеративных пластин и выяснения причины появления непонятного запаха. После, он докладывал Бесту результаты своего рейда:

– Сэр, по работе экипажа замечаний нет. Все как положено: резиновые коврики, перчатки, выгрузка использованных пластин в специальные емкости... Меня другое заинтересовало. Откуда все-таки идет запах? Его наибольшая концентрация, как ни странно, шла из офицерских кают. Открываю каюту связиста... Б-р-р-р! Шибануло, как от нестиранных годами носков. Посмотрел по всем закуткам – ничего! Ну, думаю, надо вскрывать люки кабельных трасс. Где же еще искать? А сам, на всякий случай, запускаю руку в трубопровод вентиляции. И что я там нахожу?

Вопрос адресовался уже не капитану, а всем присутствующим.

² На советских атомаринах в качестве жидкометаллического теплоносителя использовали эвтектический сплав свинца и висмута. 24 мая 1968 года на атомной подводной лодке К-27 произошло разрушение тепловыделяющих элементов, приведшее к переоблучению всего экипажа.

– Не тяни резину, Дэвис! – нетерпеливо спросил связист, несший дежурство на капитанском мостике, которого этот запах беспокоил больше всех.

– Я нашел там дохлую крысу! – с гоготом произнес механик и достал из-за спины свою находку, завернутую в целлофановый кулек. – Кто-то вас не любит, Генри? – обратился он к связисту и бросил крысу прямо в него.

Связист увернулся и завопил:

– Ты с ума сошел, фашист проклятый!

Давние предки Дэвиса действительно происходили из Германии и связист, подтрунивая над ним, называл его фамилию не Дюрер, а Фюрер.

– А за фашиста – ответишь по полной программе! – рослый механик не на шутку рассердился и, подобно медведю гризли раздвинул лапы и двинулся на внешне неказистого связиста.

Связист, лихорадочно соображая, что бы ему это такое предпринять, сгреб до кучи всю свою документацию и приготовился дать ему решительный отпор зарвавшемуся механику. Он было замахнулся на него увесистой папкой с описанием устройства его боевой информационной машины, но не успел, потому что поединок был прерван командой вышестоящего начальства.

– Все, господа! Сеанс страшилок закончен! – вмешался старпом, понимая, что именно он и должен поставить точку в этом сюжете для небольшого рассказа.

– Было весело! – спокойно сказал капитан, наблюдавший, как и все на мостике, за очередной словесной баталией механика и связиста, и далее скомандовал:

– Всплытие под перископ! Цель всплытия: сеанс радиосвязи и определение места подводной лодки. Дюрер, объявите тревогу.

Капитан должен был поручить организацию всплытия старпому, но для него было другое задание. К тому же механика надо было потихоньку натаскивать для дальнейшего продвижения по командной линии, как когда-то готовили и самого Беста. «Меху» или официально «главному инженеру-ядерщику» с немецкой фамилией Дюрер не оставалось ничего другого как проорать по трансляции:

– Тревога! Тревога! Всплытие под перископ на глубину семнадцать метров! Цель всплытия: сеанс радиосвязи и определение места корабля! Выдвижные устройства приготовить! Приготовиться сбросить балласт! Осмотреться в отсеках! Доклады на мостик!

– Хорошо, Дюрер! – заметил Бест, фиксируя правильность подачи команд, и обратился к старпому:

– Проконтролируйте до всплытия подводной лодки подъем изделия на борт и организацию документирования! Передайте старшему спецгруппы – к исходу дня представить мне подробный отчет! Действуйте!

– Есть, сэр! – отчеканил старпом и удалился.

Все начали готовиться к всплытию субмарины под перископ. Ждали старпома с докладом о подъеме глубоководного аппарата. Прошло пять минут, еще пять, капитан занервничал – это было видно потому, как он заерзал в своем кожаном кресле.

– Что он там приклеился что ли? – недовольно буркнул Бест и резко нажал на тумблер связи со «спецами».

Никто не ответил на запрос.

– Это ещё что за вольности! – возмутился Бест и прокричал по общекорабельной трансляции:

– Второй отсек – на связь! Срывается всплытие! Где там старпом?

– Да, сэр! – в динамике прозвучал умиротворенный голосок одного из «спецов», соизволившего все же ответить на запрос мостика.

– Старпом у вас?

– Мы нашли её, сэр! – вместо ответа на конкретный вопрос раздалось в динамике. – Не надо всплывать, иначе мы её потеряем!

– Я бегу к вам! – сходуотреагировал Бест, понимая, что произошло то, ради чего и был задуман этот поход. – Отставить всплытие! Отбой тревоги! Держать глубину!

Удерживать субмарину на заданных курсе и глубине должен был Тони Канетти. Он в ответ прокричал:

– Есть, сэр!

На что Бест ему заметил на ходу:

– Я так и не отблагодарил тебя, дружище!

– Что вы, сэр, – огромный чернокожий старшина смутился. – Не стоит благодарности, сэр!

– Выпивка за мной! – прокричал капитан, проскальзывая через переходной люк в соседний отсек.

Все мигом сообразили, что сообщение, произнесенное детским голоском научного работника, оправдывало все их усилия, трудности и неприятности этого похода, включая потерю одного из дорогостоящих глубоководных аппаратов. Наука сработала и этим действием открывала что-то новое, неизведанное и необычное. Для экипажа снимут часть завесы секретности и он будет спокойно говорить среди своих об этой самой «рыбке», которая, ползая по дну, будет обнаруживать и фотографировать останки советских боеголовок, добывать ценнейшую информацию о противнике, обладающим высокоточным оружием, а заодно, находить все то, что можно обнаружить на дне морей и океанов.

Как только Бест доложил руководству об успехе поисковой операции по обнаружению глубоководным аппаратом имитатора головной части русской крылатой ракеты, их тут же вернули домой – в военно-морскую базу Бангор. На пирсе субмарину встречал сам директор разведки военно-морских сил США, из чего экипаж сделал логический вывод о переподчинении и переходе из боевого состава ударных сил в разведчики. При таком раскладе «Гоуст» становилась единственным специализированным на глубоководные работы подводным атомоходом в составе всей разведки страны, что накладывало на экипаж большую ответственность. Воодушевленные напутствиями главного военно-морского разведчика, подводники с превеликим удовольствием рванули в предоставленный им отпуск. Субмарину поставили в док, чтобы нашпиговать новыми глубоководными аппаратами и всякими причиндалами, забывая обратить внимание, как это обычно бывает в таких случаях, на профилактический ремонт обычных устройств и механизмов, включая реактор.

В послужном списке субмарины «Гоуст» и её доблестного капитана Эдварда Беста началась новая глава – глава невероятных удач и провалов, славы и забвения. Все это будет, но позже. А пока был первый успех, открывающий дорогу специальным шпионским глубоководным операциям военно-морских сил США против военно-морского флота СССР.

Глава вторая

Венские мотивы

Австрия, Вена, лето 1966 года

Основанный в одна тысяча восемьсот семидесятом году отель «Ана Гранд», что на Карнтнер Ринг 9, и сегодня, при новом названии «Гранд Отель», притягивает к себе клиентов не столько великолепием фасада и внутреннего убранства, сколько непринужденностью и доброжелательностью общения персонала с каждым, кто появляется здесь в створках большой вращающейся двери. Вышколенные и дородные швейцары приветливо встречают всякого гостя, невзирая на его представительские данные – порой, самые невзрачные клиенты оказывались наиболее щедрыми на чаевые.

Так было и в далеком 1966 году, когда один из клиентов подъехал к отелю на обыкновенном армейском джипе «Виллис». Немногословный, в длиннополой шляпе и недорогом костюме, он ничем не выдавал в себе помощника военно-морского атташе США в Германии, прибывшего в Вену для конфиденциального разговора с директором разведки военно-морских сил Соединенных Штатов. Подойдя к стойке регистратуры, он предъявил свой американский паспорт и негромко сказал:

– Джеймс Бредли! Мне забронирован одноместный номер.

Надеюсь, вы говорите по-английски?

– Разумеется! – с типичным немецким акцентом произнесла девушка. – Пожалуйста, заполните этот бланк.

Миловидная блондинка протянула фирменный бланк и улыбнувшись, достала ключ от номера, положив его сверху на паспорт. После завершения всех полагающихся процедур она сказала:

– Ваш номер на третьем этаже. Желаю приятно провести время в нашем отеле.

Бредли мельком взглянул на девушку, оценив по достоинству ее красоту, и не спеша проследовал к лифту. Он профессионально, бегло кинул взор на публику, заполнившую небольшое уютное кафе, расположенное в правой части холла регистратуры, причислив ее к явно не пролетарским слоям общества. Музыкант ненавязчиво играл на рояле, создавая благоприятный фон для светской беседы.

«Неплохое местечко, – подумал Бредли. – Здесь все располагает к общению двух интеллектуальных особ».

Разумеется, что он имел в виду себя и шефа военно-морской разведки. Мелких денег не оказалось, и он дал швейцару десять немецких марок, чему тот был безусловно рад. Оставшись наедине, Бредли быстро осмотрел номер, заглянул в мини-бар, лишив его одной из бутылочек со спиртным, принял душ и усевшись в удобное кресло, пролистал подборку американских газет.

– Ага, вот он, гороскоп, – произнес он вслух, найдя то, что искал. – Так-так, предстоит дальняя дорога, новые знакомства... К чему это? Поездка из Германии в Австрию состоялась, но она недалёкая. Может, возвращение домой? Тогда, да – это дальняя дорога. Знакомства... Но у меня их и так предостаточно.

Зазвонил телефон. Бредли неторопливо поднял трубку и услышал приятный баритон:

– Как добрались, Джеймс?

– Спасибо, сэр. Неплохо. Австрия мне всегда нравилась.

– Мне и моему другу тоже. Если вы не возражаете, встретимся внизу, в кафе.

– Да, сэр. Я буду готов через пять минут.

Бредли положил трубку, закурил сигарету и подумал: «Речь шла о встрече тет-а-тет. А тут какой-то его друг, о котором почему-то не говорилось раньше? Может, меня втягивают в игру агентурной разведки? Нет, на это я не пойду. В конце концов – я морской офицер-подводник, а не агент.»

Бредли не стал пользоваться лифтом. Имея навыки разведчика, он спустился вниз по лестнице, чтобы сверху заприметить то, что ему необходимо было в данный момент. Спустившись на второй этаж, он прошелся по коридору, нависающему над холлом регистратуры и, мигом оценив ситуацию, быстро сбежал вниз по ступенькам широкой мраморной лестницы.

По-прежнему играла музыка. Народу поубавилось. Бредли знал директора разведки только по фотографиям из военной прессы и не рассчитывал, что узнает сразу. Однако, подойдя ближе, он без труда его нашел, сидящего, в отличие от всех присутствующих, в гордом одиночестве. Подойдя вплотную к его столу, Бредли заметил, что тот давно уже не молод и больше похож на местного седовласого старичка, забежавшего на минутку опрокинуть кружку пива, чем на военного чиновника высшего разряда. Старичок на удивление энергично встал, крепко поздоровался за руку и тихо произнес:

– Похоже, вы и есть Бредли?

– С вашего разрешения, сэр, – ответил тот и в свою очередь спросил:

– А где наш третий друг?

– Начнем вдвоем, а затем, исходя из того решения, которое вы примете, продолжим разговор втроем. Не возражаете, Джеймс?

– Как прикажете, сэр.

– Вы не будете против, если мы начнем наш разговор на улице? – заговорщически спросил директор разведки, чем ещё больше усилил опасения последнего.

– Да, сэр, – ответил Бредли как можно спокойнее и они вышли на улицу Карнтнер Ринг.

Был теплый летний вечер. Прохожие, не спеша прогуливались по тротуару, подтягиваясь к зданию знаменитой Венской Государственной Оперы – там шло представление и было многолюдно. Обогнув здание, они вышли к музею «Альберти-на». Здесь можно было спокойно обсудить насущные дела. Как только они остались одни, разведчик приступил к изложению своей идеи.

– Итак, кэптен Бредли, – шеф военно-морской разведки впервые с момента их встречи назвал его по званию, – цель моей поездки в Европу связана не столько с текущими делами нашего ведомства в НАТО, сколько с открывающимися перспективами одного из направлений разведки – именно подводной разведки. Вы, как бывший командир подводной лодки и помощник военно-морского атташе, вполне устроили бы нас, возглавив один из засекреченных отделов. Как вы на это смотрите?

– Предложение несколько неожиданное, сэр, – насторожился Бредли. – Нельзя ли конкретнее?

– Речь идет о создании отдела подводных операций. Это не «морские котики», нет, – седовласый разведчик уловил взгляд Бредли и своим ответом опередил его вопрос. – Ваша работа будет связана с использованием в разведывательных целях атомной подводной лодки начиненной глубоководными аппаратами и другой техникой, добывающей полезную информацию о противнике.

– Вы сказали «атомная», сэр. Но я ведь дизельный капитан, – засомневался Бредли.

– Вы опытный капитан, – уверенно произнес разведчик, – и этого для меня вполне достаточно. К тому же, я подробно изучил ваше досье и полагаюсь на свою интуицию. Кое-какие результаты уже достигнуты. Вы начнете не с нуля. Остальное зависит от вас. Вы сами будете планировать и выполнять операции. Подводный атомоход в вашем полном распоря-

жении. Лучшей перспективы не придумаешь. Сработаете – будете завалены поощрениями и наградами. Не сработаете... Что об этом говорить. Так вы согласны?

К подобного рода предложениям Бредли был готов. Он уже приобрел кое-какой разведывательный опыт, участвуя в сборе информации под эгидой дипломатического ведомства, поэтому и вел себя соответствующим образом – спокойно и рассудительно. Его мозговой компьютер уже просчитал весь подводный пасьянс на два-три хода вперед, и решение было принято. Оставалось лишь красиво его озвучить. Тут главное не переборщить в патриотизме и не сказать чего лишнего. Бредли слегка кивнул головой и уверенно произнес:

– Я готов, сэр! Когда приступать?

– Так, сразу? – явно удивился седой разведчик. – Вы даже не просите тайм-аут?

«Явно мало патриотизма», – подумал Бредли и добавил:

– Сэр! Ваше предложение – большая честь для меня! Полагаю, ваш выбор не случаен и оправдан оказанное доверие. Не сомневайтесь, я сделаю для флота, страны все возможное и невозможное.

– Невозможное не надо, кэптен, – с легкой иронией ответил разведчик и подумал: «Этот парень, пожалуй, будет рыть копытом, чтобы выслужиться. Ну что ж, пусть оправдывает мою интуицию».

– Только возможное, Бредли. Только возможное, – продолжил разведчик и затем, ненадолго задумавшись, добавил:

– Хотя... бывает и невозможное.

Что подразумевал директор разведки ВМС США, было понятно только ему. Не мог же он сразу сказать: «Джеймс, вся твоя работа и твоих подчиненных будет на грани фола!»

Сразу, в лоб, нельзя – в разведке это не принято!

– Спасибо, Джеймс, – фамильярно и несколько артистично произнес разведчик, пожимая Бредли обе руки, – я не ожидал от вас другого ответа. Теперь, я вправе познакомить вас с капитаном самой секретной субмарины Соединенных Штатов. Это и есть наш третий партнер. Вернемся в отель.

«Гороскоп сбывается», – подумал Бредли и двинулся следом за своим новым шефом.

Главный военно-морской разведчик был профи высшего класса, но в пенсионном возрасте. Он еще не знал, что на его место уже отобран Фредерик Халфингер – разведчик до мозга костей, ещё недавно занимавшийся исключительно похищениями секретной техники русских. Его командос воровали всё подряд: от снарядов из Вьетнама до самолетов из Египта. В верхних эшелонах власти оценили успехи Халфингера и решили доверить ему еще более ответственные задачи. Время шло очень быстро, и нужно было отчитаться за выделяемые на разведдеятельность солидные финансовые ресурсы. К тому же, разведчики впервые получили подводный атомоход и с этого момента ситуация менялась кардинально – уже не надо было выпрашивать атомарины у адмирала РикOVERA, который в своей обычной манере до последнего «тянул резину», подсовывая старенькие «дизельюхи»³. Теперь военно-морская разведка была «на коне» и начальники лично подбирали себе кадры. Как правило, не из числа «атомщиков» РикOVERA. Этим и объяснялось желание нынешнего шефа разведки привлечь к осуществлению своей глубоководной разведывательной программы кого-нибудь из опытных поводников-дизелистов. Выбор пал на Бредли.

У входа в отель их поджидал высокий худощавый мужчина приятной наружности, на вид тридцати пяти – сорока лет, с ярко выраженной военной выправкой, проявляющейся в каждом его движении – хотя он просто прогуливался туда-сюда. Директор разведки незаметно кивнул головой, что означало: он согласен. Мужчина тут же подошел и представился Бредли:

³ дизельюхи – дизельные подводные лодки

- Эдвард Бэст, сэр! Капитан субмарины «Гоуст»!
- Джеймс Бредли, – коротко отрекомендовался «дизелист».
- И ваш, Эдвард, непосредственный начальник, – прокомментировал шеф разведки.
- Да, сэр, – согласился Бэст и обратился к Бредли:
- Сэр! Когда прикажите доложиться?

– Сделаете отчет, – ответил вместо Бредли старший среди них седовласый разведчик, – когда отгуляете отпуск. Мистер Бредли сдаст свои дела новому помощнику военно-морского атташе в Германии и также уйдет в отпуск. Набирайтесь сил господа – предстоит большая и ответственная работа. Детали обсудим в Бангоре до выхода подводной лодки из ремонта к месту постоянного базирования. Надо, чтобы вы, Бредли, увидели всю начинку снизу – пока атомоход стоит в доке. Это позволит вам лучше представлять динамику поисковых операций. Главная задача нынешнего этапа испытаний – поиск головных частей советских баллистических ракет севернее атолла Мидуэй в Тихом океане. Первый этап, ориентированный на поиск имитатора головной части русской крылатой ракеты, угрожающей нашим авианосцам, успешно завершен. Имитатор своевременно найден с помощью глубоководного аппарата. А теперь, господа, я хочу выпить за наши будущие успехи! Нет возражений?

– Нет, сэр, – одновременно гаркнули «атомщик» и «дизелист». При этом «дизелист», задержав взгляд на «атомщике», задал вопрос, который интересовал его с самого начала рандеву:

– Фамилия... Бест – это совпадение с...

– Тот самый, – не дав договорить до конца, ответил шеф разведки ВМС, – смытый за борт.⁴

– Я прочитал об этом случае в сводке происшествий по фло...

– Да, Джеймс, – фамильярно заметил седовласый шеф, ещё раз не дав Бредли договорить. – Бест у нас... человек – легенда! Он до последнего вздоха надеялся на свой экипаж и вместе они победили натиск стихии. За это я также с удовольствием выпью!

Троица проследовала внутрь отеля, пройдя через вращающуюся дверь в строгом соответствии с табелем о рангах – сначала старшие, затем младшие по должности и пришвартовалась за одним из столиков у рояля. Все они были моряками, а это значит, что «вискарь», несмотря на принципы конспирации, был употреблен неоднократно и ровно до тех пор, пока у очередной бутылки не засветилось доньшко. Они даже что-то спели на морскую тему, известную только им, чем изумили постояльцев отеля и музыканта, явно рассчитывавшего на какие-то чаевые.

Старинный рояль продолжал озвучивать распрекрасные мелодии, но они мало интересовали разведчиков, для которых, как это обычно бывает у моряков после третьей рюмки, настало время выговориться. Забыв о старшинстве, разведчики перебивали друг друга, рассказывая тривиальные анекдоты и морские истории. Всем, кто оказался с ними по соседству, стало ясно: за столиком у рояля собрались прожженные мариманы. Очередной тост, как и положено, был выпит за то, чтобы количество погружений у субмарин совпадало с количеством всплытий!

Все же, какая никакая, а конспирация была соблюдена – невзирая на количество употребленного спиртного, они ни разу не обмолвились о своей непосредственной работе. Разведка – есть разведка!

Наутро от троицы откололся Эдвард Бест. Причина этому была самая заурядная. Ему понравилась та самая хорошенькая блондинка, накануне проводившая оформление гостиничных номеров.

⁴ Подобный случай действительно имел место, но не на американской, а на российской подводной лодке Б-81 «утюг» с командиром капитаном первого ранга Анатолием Некрасовым. К сожалению, он погиб.

– Дело молодое, – с некоторой завистью прокомментировал седоголовый разведчик, когда они уже вдвоем прогуливались все по той же Карнтнер Ринг. – Но я проверю, Джеймс, все ли здесь чисто. Горничные, портье, проститутки – самые лучшие источники для вербовки. Они удачно играют на мужских слабостях, находя уязвимые места. На этом построена целая теория вербовки, но вам это вряд ли пригодится. У вас с Бестом узкая специализация – поиск подводных объектов. Все просто: опустил аппарат, нашел объект поиска, заснял его и можно преспокойно двигаться домой. Хотя, в дальнейшем, будем и поднимать небольшие фрагменты этих самых, русских объектов. Наука не спит, и вы в этом скоро убедитесь, когда окажетесь в доке под брюхом «Гоуст».

– Ясно, сэр, – согласился Бредли и добавил:

– Мне, в принципе, понятна сфера разведывательной деятельности. Ведь я и раньше соприкасался с ней, высаживая и эвакуируя агентов ЦРУ на прибрежных направлениях.

– У побережья СССР, если мне не изменяет память? – театрально произнес шеф военно-морской разведки, как будто он об этом где-то слышал, а не знал досконально.

– Точно так, сэр!

– Теперь вы будете не соприкасаться, а руководить разведдеятельностью... А скажите мне, Джеймс, – сменил он тему разговора.

– Как долго вы задержитесь в Вене?

– Собственно говоря, нисколько, сэр, – Бредли посмотрел на своего нового шефа, как бы спрашивая его предложения на этот счет и тут же услышал просьбу:

– В таком случае, если вы не возражаете, я бы отправился с вами в Германию прямо сейчас – надо доделать кое-какие дела по линии ВМС ФРГ. По дороге я подробно введу вас в курс дела.

– Какие могут быть возражения, сэр, – преданно ответил Бредли. – Я в вашем полном распоряжении.

– Замечательно, Джеймс! Тогда – в путь!

Они тут же одновременно развернулись в противоположную сторону и отправились в отель собирать чемоданы. Не прошло и двадцати минут, как от отеля отчалил военный «Вил-лис». Швейцар ещё долго кланялся в сторону отъехавшей машины, сжимая в руках очередные десять немецких марок – у Бредли по-прежнему не было мелких денег.

Что касается Беста, то он влюбился. Причем впервые в жизни. Но этому судьбоносному явлению предшествовали другие события, сформировавшие его как закоренелого холостяка. Конечно, сказала служба – она забирала все его время без остатка. И чем выше была должность, тем меньше оставалось времени на личную жизнь. Но было и другое, о чем догадывались единицы – Бест старался ни с кем не делиться. Суть этого события состояла не в том, что ему не нравились женщины. Нет. Просто к сорока годам его образ жизни сложился таким образом, что ему уже не хотелось что-то и как-то менять, под кого-то подстраиваться. И единственным ему верным другом была мать, которая, рано овдовев, разделила свою любовь между ним и умершим мужем.

Несмотря на множество предложений от усыхающих по ней холостяков, она предпочла остаться одна с сыном. Бест понимал и ценил эту верность. Как ему не хотелось видеть кого-то, пусть даже очень хорошего на месте отца, так и ей не хотелось видеть «её», пусть даже очень добрую и красивую, рядом с сыном. Одно время, когда Эдварду исполнилось тридцать, он стал стопроцентно похож на её мужа. Она порой забывалась и засматривалась на него, вводя себя и сына в краску. Теперь же, в нынешнем возрасте, она смотрела на него с ещё большим восхищением и интересом, представляя, что таким был бы и её муж, доживи он до сорока лет. Прежде очень красивая, мать Беста сохранила все черты лица и фигуру. Они вместе прогуливались по набережной Бангора и люди оборачивались, провожая их доб-

рым взглядом. Она ощущала эти взгляды и была им безумно рада, как, впрочем, и словам, произвольно вырвавшимся у одного из стариков, конкретно про неё: «Красивая старость!» Неужели, после всего этого, кто-то мог претендовать на её единственного сына? Да никогда!

Так ей хотелось. Но судьба распорядилась по-своему. В далекой Европе, в маленькой Австрии, которую мать Беста по причине близорукости и на карте не смогла бы найти, её ненаглядный сыночек, как только увидел эту хрупкую белокурую красавицу, лишился дара речи. Он будто удав, впился в её необыкновенные темно-синего цвета глаза, смотрел на них, стоя рядом, и не мог сдвинуться с места словно загипнотизированный. Девушка, не понимая в чем тут дело, обращалась к нему то на немецком, то на английском, даже на итальянском языках. Однако, Бест оглох и не слышал её даже на родном языке. Он стоял напротив стойки регистратуры и откровенно любовался ею, как некой австрийской диковинкой. Но так не могло продолжаться бесконечно и он, наконец, опомнился. Бест осмотрелся по сторонам, как бы извиняясь за этакую беспардонность, и предъявил свой паспорт. Он забыл сообщить ей свой номер брони. Вместо этого, заметно волнуясь, что было для него, уверенного в себе командира субмарины, несусветно, он изрек:

– Если вы откажитесь встретиться со мной завтра же, после работы, я просто этого не вынесу.

Она стандартно, как это принято в дорогих отелях, улыбнулась, мельком взглянула на паспорт, отыскала его фамилию в списках забронированных номеров, и ответила прямо скажем не на лучшем английском:

– Давайте, для начала, я поселю вас в гостиницу. Пожалуйста, заполните бланк.

Бест одним махом заполнил бланк и нетерпеливо спросил:

– Так как? Могу я надеяться?

Девушка слегка покраснела. Вероятно, ей следовало сказать, что у них не принято разговаривать с клиентами на неслужебные темы. Но что-то начало происходить и с ней. Она опустила глаза. Потом слегка их приподняла, взглянула в серые, полные надежды, глаза Беста и неожиданно, может даже и для самой себя, сказала:

– Да. Можете.

Она ещё больше покраснела и позабыла достать ключ от номера. Бест быстро сообразил, что к чему и, помогая ей взять ситуацию под контроль, произнес:

– Спасибо! Ключ от номера... сдавать при выходе из отеля?

Она благодарно улыбнулась и, достав ключ, ещё раз, но пристально, взглянула в его глаза, сказав при этом:

– На ваше усмотрение, – и далее по трафарету:

– Желаю приятно провести время в нашем отеле.

Это было вчера. А сегодня, только распрощавшись с коллегами по разведке, Бест уже мчался по незнакомому городу, то и дело доставая из кармана записку, на которой были написаны сокровенные для него слова: «Центральный вход собора Святого Стефана. 12 часов. Эльза».

«Ее зовут Эльза! – мечтательно произносил про себя Бест. – Это схоже с именем моей любимой матери – Элизабет! Совпадение не случайно! Это явный знак судьбы! Они подружатся. Они должны подружиться, ну хотя бы ради меня».

Что на него нашло? И как это связать с устоявшимся образом жизни? Как отреагирует мать? Сейчас он не желал отвечать на все эти сложные вопросы. Бест летел на крыльях любви и для него настал тот самый момент истины, который в разное время ждет каждого мужчину и женщину. «Вот она желанная! – говорит он.» «Вот он – желанный! – говорит она.» И они соединяются в единое целое. Так на свете зарождаются семьи. А по сути, это и есть один из ответов на наивный детский вопрос: «Пап, а пап? А как я на свет появился?»

Ответ, в данном случае, представляется так: «Однажды, когда тебя ещё не было на свете, я мчался по улице Карнтнер Ринг...»

Кто бы мог подумать? Эдвард Бест, американский капитан суперсекретного подводного атомохода «Гоуст», ненароком оказавшийся в прекрасной Австрии, будет мчаться сломя голову навстречу своей судьбе по этой самой Карнтнер Ринг, спутав эту улицу с перпендикулярной ей Карнтнерштрассе, которая как раз и выводила к месту встречи. Поплутав по незнакомым улицам, он всё же выйдет на правильное направление и окажется в указанном Эльзой месте у собора Святого Стефана.

Собор виден издалека. Его восьмигранный шпиль оригинальной конструкции с колокольней в ренессансном стиле, возвышается над другими историческими сооружениями и зданиями города. Западный фасад с роскошным порталом и две «башни язычников» гармонично сводятся в общую композицию, подчеркивая мощь строения и подтверждая высочайшее мастерство средневековых камнерезов. Один из них Антон Пильграмм увековечил себя в виде человека, выглядывающего из окошка. Всё это вместе взятое притягивает к себе туристов. Они потоками стекаются сюда с разных направлений.

Бест, обежав полквартала, сообразил, наконец, что Эльза указала ему самый простой ориентир, и ему следовало только слиться с потоком туристов, который естественным путем вывел бы к собору. На Стефанплатц было, как всегда, многолюдно и Бест, чуть ли не расталкивая прохожих, устремился к центральному входу в собор. Он её уже увидел, одиноко стоящую и рассматривающую какое-то объявление, наклеенное на рекламную тумбу. Как юнец, мальчишка, идущий на первое свидание и делающий первые шаги в стране любви, он волновался, и первые слова его были путанные и неуклюжие.

– Вот... Я пришел.

– Да, благодарю..., – она также волновалась и украдкой поглядывала не него сквозь великолепные длинные ресницы, пытаясь спрятать под ними глаза.

– Замечательно, что вы пришли, – он старался выверить каждое слово, произвести на неё положительное впечатление, до конца не веря, что она уже рядом с ним.

Бывает же такое. Он, бесстрашный и уверенный в себе капитан, пасует перед какой-то девчонкой, которой отроду нет и двадцати двух – двадцати пяти лет. Хотя, что тут скажешь? Овладеть сердцем красавицы – не каждому дано! Ведь она не знает кто он и что он? Мало ли бывает не бедных клиентов в отеле «Ана гранд»? Но и сам Бест не уродина! Он высокий, симпатичный мужчина и знает точно, что нравится женщинам. Правда, возраст...

– По-правде сказать, я не ожидал вашего согласия на эту встречу, – ещё волнуясь, но уже более уверенно и спокойно, произнес Бест. – Ведь я уже не мальчик. Но... Но как только увидел вас, во мне что-то произошло. Я и сейчас смотрю на вас словно замороженный и не могу... Не могу налюбоваться вами. Вероятно, только в Австрии бывают такие необыкновенные красивые девушки.

– Не знаю, – немного смутилась Эльза. – Но мне кажется, в ваших американских фильмах все женщины очень красивые.

Волнуясь, у неё усиливался немецкий акцент. Кроме того, она путалась в словах и грамматике – всё это слушалось забавно и не раздражало.

– Поверьте мне на слово, – настаивал Бест, – как я сказал, так и есть.

Для большей убедительности, он взял её за обе руки и неожиданно для себя почувствовал в них лёгкую дрожь. «Она дрожит, – подумал он и стал быстро задавать себе вопросы, тут же отвечая на них: – Почему дрожит? Ведь тепло! Значит... Значит, она волнуется! А раз волнуется? Значит, равнодушна ко мне!» Заполучив её руки, он не желал их отпускать. Наоборот, он стал притягивать руки к себе и, тем самым, притянул и её саму. Он уже ощущал её лёгкое прикосновение, прерывистое дыхание и теплоту тела, но она, вдруг, как-то ловко выскользнула, отпрянула от него на шаг и с акцентом сказала:

– Первоначально, неплохо бы познакомиться. Меня зовут Эльза Браун. А вас? – и сама же ответила:

– Эдвард Бест, американец.

– Вы очень наблюдательны, Эльза, – удовлетворенно отметил американец, тут же обратив её внимание на некоторые совпадения. – Мне приятно наше знакомство и то, что вы согласились на встречу. Как, впрочем, приятны и некоторые совпадения. Наши инициалы начинаются одинаково: «Э» и «Б». Кроме того, мою матушку зовут Элизабет.

– Правда? – удивилась девушка.

– Именно так. И поверьте, это не случайные совпадения. Я верю в судьбу.

Он галантно взял её под руку и она, не сопротивляясь, пошла рядом с ним. Они неплохо смотрелись вместе и идеально подходили друг другу по росту. Эдвард был выше Эльзы всего на десять сантиметров. Кроме того, они были по-спортивному сложены и стройны. Влюбленные шли нога в ногу, и казалось, будто с первых совместных шагов, они уже выработали, если можно так выразиться, «семейную походку» – настолько слаженно они двигались по брусчатке. Показательны и другие внешние данные: она блондинка, он брюнет – это сразу создавало некий контраст и они становились заметны в толпе. Про таких обычно и говорят: «Красивая пара!» Оставалось всего ничего – доказать все эти преимущества матери Беста в Соединенных Штатах. Но об этом нюансе Эльза ещё не знала. Она уже не испытывала смущение и дрожь в теле. Прижавшись к Эдварду, она что-то щебетала про свой любимый город Вену, где родилась и прожила безвыездно все свои двадцать пять лет.

Время пролетело незаметно. Стемнело. Они ещё долго блуждали по вечерним улицам и в конце концов оказались на знаменитой лестнице «Штрудльхофштиге», где произошло то, что и должно было произойти с влюбленными. При спуске с лестницы Эльза немного замешкалась и оказалась позади Эдварда. Тот протянул руки, как бы принимая её снизу. Руки заскользили навстречу друг другу и Эльза оказалась в объятьях Эдварда. Изобразив лёгкое, чуть заметное сопротивление, она уже не вырывалась. Ещё мгновение и их губы сначала только соприкоснулись. Но это лишь миг. Он скоротечен и его даже сложно уловить или сосчитать в какие-то микросекунды, ибо дальше происходит объединение любящих друг друга сердец.

Они слились в единое целое, и им в этот момент было все равно, что скажут те немногочисленные, но присутствовавшие при этой сцене, прохожие. Молодежь это действие приветствовала, а старики лишь укоризненно покачали головами. Если все эти мнения и сомнения усреднить, то всё равно баланс будет в пользу влюбленных – ведь и старики когда-то были молодыми. Разве что, время их молодости было иное, более консервативное и не допускающее подобный грех на улицах, но разрешающее другие прегрешения, приведшие к гораздо худшим последствиям и страданиям, разрушениям целых городов и большим человеческим жертвам...

– А я ещё и расстроился, когда мне приказали, несмотря на то, что был в отпуске, приехать в Вену, – сказал Бест Эльзе, описывая свою историю появления в этом славном городе, когда они, обнявши друг друга за талии, продолжили движение в сторону от теперь уже знаменательной для них лестницы с труднопроизносимым на любом, кроме немецкого, языке названием «Штрудльхофштиге».

– Ты сказал, – они уже были на «ты», – приказали?

– Да, Эльза. Я ведь военный. При чем военный моряк, – сразу уточнил Бест, акцентируя этим специфику своей службы и зная, что не каждая девушка способна вынести длительную разлуку с любимым человеком.

Эльза удивленно посмотрела на Эдварда и сказала:

– Это, наверное, романтично – быть военным моряком. Но, ведь и опасно? Я читала о морях.

– Опасно? – выразил некое удивление Бест. – Не больше, чем прогулка на пароходе по вашему прекрасному Дунайскому Каналу, разделяющему Вену на два района.

Она поняла, что он блефует, и была несколько озадачена этим известием.

«Но ведь так и должно быть, – подумала Эльза. – Судьба открывает мне мой новый путь. Хотя выйти замуж за моряка – редкий случай для австрийки, Родина которой не омывается ни одним морем или океаном.»

– Эльза! – обратился Бест, выказывая голосом свои серьёзные намерения и прерывая её размышления о собственной судьбе. – Я полюбил тебя с первого взгляда и предлагаю руку и сердце. Если это удобно, я готов прямо сейчас попросить благословения твоих родителей.

– Эдвард! – ответное слово было за Эльзой Браун. – Как только ты появился в фойе нашей гостиницы, меня словно подменили. Я не могу сказать, что мужчины не уделяли мне внимания до знакомства с тобой. Это было бы неправдой. Но я впервые испытала неведомую ранее, необъяснимую силу притяжения с тех пор как ты оказался рядом со мной. Мы не знаем друг друга достаточно, но и я верю в любовь с первого взгляда. И теперь, я могу сказать за себя, не взирая на то решение, какое могут принять мои родители.

Эльза ещё раз взглянула Эдварду в глаза и уверенно произнесла:

– Я согласна!

– Любимая! – капитан Бест впервые в своей сознательной жизни произнес это слово и крепко прижал девушку к себе. – Я постараюсь сделать всё, – душевно и проникновенно прошептал он ей на ушко, – чтобы ты никогда не пожалела о принятом сейчас решении. Мы будем любить друг друга и мои походы в океан будут лишь спланировать нашу семью. Ибо за расставанием, следует долгожданная встреча. Ты будешь провожать и встречать меня на берегу, стоя на скале. В твоей руке будет платок, который я тебе подарю.

– Да, милый...

Они договорились встретиться утром на том же месте, где было назначено первое свидание – у собора Святого Стефана. Вечером Эдвард созвонился со своей матерью, а Эльза оповестила родителей о принятом решении выйти замуж. Реакция была соответствующей устоявшимся традициям и историческим фактам.

– Ты с ума сошел! – раздался истерический крик с противоположной стороны Атлантического океана. – Немцы потопили корабль твоего дедушки.

– Но мама, – как можно спокойнее отвечал Эдвард, оспаривая её доводы. – Они также пострадали – их самих оккупировала Германия. Они австрийки, а не немцы.

– Какая разница? Прошло всего два десятка лет с окончания второй мировой войны, – неслось из телефонной трубки, как будто Бестом не было сказано никаких аргументов «против». – И ты предаешь! Ты предаешь не только своего деда, не вернувшегося с войны, но и меня!

– Ах, вот оно что? – уныло сказал Эдвард и до него только сейчас дошло, что дед тут ни при чём. Он предал мать и с этим аргументом он не мог не согласиться. – Хорошо мама, мы поговорим на эту тему позже. Успокойся, пожалуйста...

В Вене происходило примерно то же самое, только тон здесь задавал глава семьи.

– Потаскушка! – остервенело ругался папаша Эльзы Браун. – Спуталась с американским солдатом! С потомком тех солдат, что бомбили Вену!

– Он моряк папа, не горячись, – Эльза знала своего отца – покричит и успокоится. – Он вам всем понравится! Вот увидите, Эдвард хороший парень!

– Ну, неужели нельзя найти кого-нибудь из местных, – подключилась мать Эльзы. – Твой Эдвард увезет тебя за океан, и что мы будем делать?

Мать заплакала, и Эльзе стало всё понятно. Нет, они не против свадьбы. Им не хотелось, чтобы она уезжала так далеко – в Америку! Ей было жаль своих родителей, но она полюбила этого американца и уже никто не мог её остановить – так она решила.

Наутро, Эдвард и Эльза встретились в условном месте. После недолгой дискуссии, они отправились венчаться в одну из церквей, ставя точку над всеми рассуждениями родственников, услышанными накануне. В тот же день влюбленная парочка бесследно исчезла – Эльза даже не уволилась с работы.

Говорят, будто их видели в Париже. А может быть на Гавайях? Но, это уже и не столь важно. Главное – они счастливы! А что ещё нужно в этой скоротечной жизни? Всё уладится – решили молодые, отчетливо понимая, что через каких-то две-три недели, им всё-таки придется держать ответ перед своими грозными родителями. Но это будет потом, не сейчас. Так не будем же им мешать, допытываться, где они и что они – пусть отрываются по полной программе!

Глава третья

Новое задание

Военно-морская база тихоокеанского флота США Бангор, 1966 год

– Старпом! Постройте этот сброд! – проорал Бест ещё издали, как только увидел своих празднично шатающихся бравых подводников. Отпуск разболтал экипаж и приходилось начинать все сначала. Бест бегло осмотрел построившихся в две шеренги подводников и начал свою речь.

– Первое! Я вас приветствую, господа! – Бест поднял и тут же опустил обе руки.

Толпа отреагировала на приветствие своего капитана гулом одобрения.

– Второе! В экипаже – подчёркиваю, только в экипаже – отныне разрешено обсуждать все вопросы так называемой специальной деятельности. В связи с чем, ставлю в известность, что все вы в полном составе выбываете из боевого ядра ракетно-торпедных подводных лодок и переходите в распоряжение разведки военно-морских сил США.

Толпа шумно отреагировала – кто одобрительно, кто наоборот с явным неудовольствием. Капитан продолжил:

– Держать насильно никого не буду – каждый выбирает сам. Это третье.

Бест, в свойственной ему манере, двигался вдоль строя, вглядываясь в лица подводников.

– Четвертое – в продолжение второго и третьего. Те, кто останется в живых...

Бест оговорился, но все восприняли это как должное.

– Пардон! Я хотел сказать, те, кто останется в экипаже, не должны болтать о нашей деятельности не только среди своих родных и близких, но даже среди сослуживцев из других соединений кораблей и подводных лодок.

Бест продолжал двигаться вдоль строя, отмечая про себя массовые нарушения формы одежды и, становясь всё более агрессивным – это чувствовалось в интонации его голоса.

– Пятое. После завершения формирования экипажа мы выходим в дальний поход. Детали и район выполнения боевых задач оглашу перед новым экипажем, – последнее слово Беста имело прямую направленность. – Повторяю! Перед экипажем, а не..., – он посмотрел на старпома и не найдя у него мгновенной поддержки и реакции заорал сам:

– А не перед сборищем разноцветных бацилл! Марш вниз! И чтоб через пять минут все стояли здесь в парадной форме одежды!

– Вниз! – наконец-то ожил старпом и заорал своим привычным для всех голосом старпома. – Построение через пять минут! Форма одежды парадная... Вашу мать!

Толпа бросилась врассыпную во все три люка – носовой, кормовой и верхний рубочный. Теперь за дело взялись командиры подразделений и отсеков – они подгоняли своих подчиненных, каждый как умел.

– Убери свои щюпальцы со стопора! – крикнул командир первого отсека, когда увидел, что кто-то из матросов в спешке ухватился за стопор-фиксатор носового люка. – Без пальцев останешься, осьминог лупастый! Вниз! Всем вниз!

– Ядерщики! За мной! – свирепо прокричал лучший друг связиста Дюрер-Фюрер и первым бросился к кормовому люку.

Большая часть строя тут же устремилась за своим механическим боссом и выстроилась в длинную очередь.

– Электрикам – через верхний! – поправил Дюрера старпом и часть толпы перенацелилась в сторону рубки.

– Осторожно на комингс-площадке! – в свою очередь проорал заботливый механик, предварительно поскользнувшись и отбив свой массивный зад именно об комингс-площадку. Прежде чем его голова исчезла в кормовом люке, он выдал ещё одну ценную рекомендацию:

- И чтоб ни одной поганой крысы не пробралось на борт!
- Кого он имел ввиду, Джон? – поинтересовался Бест у старпома.
- Связиста, наверное, сэр! Вы же знаете, как они «любят» друг друга.

Бест кивком согласился с этим мнением. Вскоре причал и корпус подлодки опустели – остались только капитан и старпом. Бест не прощал допущенные ошибки даже своему старшему помощнику, который являлся первой скрипкой в сложном подводном оркестре. Именно ему Бест и обязан был своим спасением, поэтому накачка старпома проходила вполне дружелюбно.

– Проснись, Джон! – капитан действительно выбирал выражения, не давая волю эмоциям. – Надо с первых дней настроить эту... экипаж на серьёзную, боевую работу. Никакой расхлябанности, словоблудия – только четкое выполнение приказов и распоряжений. Ты, понял?

- Да, сэр! – старпом даже немного покраснел.
- Можешь тэт-а-тэт называть меня на ты или просто Эдвард. Хорошо, Джо?
- Как скажете, сэр! Спасибо!

– Это тебе спасибо! Ты и Тони – вы проявили упорство и спасли мне жизнь! Я этого никогда не забуду!

– Что вы, сэр! То есть... что ты, Эдвард! – старпом был явно не готов к такому панибратству.

– Джо, скажу по секрету, я в отпуске женился и счастлив бесконечно. Я по-новому взглянул на свою прежнюю жизнь и теперь совсем иначе оцениваю ту громадную услугу, которую ты и Тони мне оказали.

– Поздравляю вас..., тебя Эдвард с женитьбой, – старпом опять немного замялся. – Право, мне не ловко. Так каждый бы поступил.

– Но не каждый смог бы так филигранно сманеврировать в океане. Я это говорю, как капитан. Не каждый может синхронизировать рубку и мостик, добиваться мгновенного реагирования и исполнения команд. Я оценил это сразу, ещё в воде, как только заметил надвигающуюся на меня громаду атомохода. Ты профи, Джо! И я рад с тобой служить дальше. Если ты, конечно, не возражаешь?

– Как можно, Эдвард, – старпом впервые ответил не по уставу. Он что-то ещё собирался сказать, но Бест опередил его, торопливо сказав:

– Короче, я и моя жена Эльза приглашаем тебя и Тони отметить наше бракосочетание. Приходите с женами к восьми часам вечера. Договорились?

– С удовольствием, сэр! – старпом перешел на официальный язык, так как через рубочную дверь стали протискиваться подводники в парадной форме.

Что делает с людьми воинская дисциплина? Как будто это были не те же охламоны, недавно стоявшие на причале и раздражавшие начальство своим видом. Теперь они очухались, подтянулись, принарядились и смотрелись на пять баллов. Они опять стали теми, кем и были до отпуска – экипажем капитана Беста.

– Построение на корпусе, согласно расписания! – громко скомандовал старпом и Бест удовлетворенно заметил про себя: «Для таких как он, достаточно простого напоминания – не нужно повторять дважды!»

– Быть готовыми доложить функциональные обязанности и действия по сигналам тревог! – продолжал командовать старпом. – Командирам подразделений осмотреть форму одежды, проверить знания!

Офицеры быстро выполняли команды старпома. Не прошло и десяти минут, как все было закончено. Однообразный строй уже не вызывал у Беста излишних эмоций и он, удовлетворенный проделанной работой, спокойно про-хаживался по пирсу, украдкой посматривая на подводников.

– Неплохо бы определиться и с будущим экипажем, – подсказал Бест старпому и тот тут же отреагировал:

– Кто не желает служить в нашем доблестном экипаже – выйти из строя!

Подводники переглянулись друг с другом, но никто не вышел из строя.

Механик тут же интерпретировал команду старпома на свой лад:

– Подводники моего подразделения! Кто не хочет защищать Родину – вон из строя!

– Дюрер! – поправил механика Бест. – Вопрос действительно сложный и требует серьезного, персонального осмысления и принятия решения.

Капитан понял, что для экипажа наступил мучительный момент выбора. Толком, не зная особенностей предстоящей работы, но нутром чувствуя неведомую пока опасность, подводники выжидали. Бест продолжил:

– Никаких последствий и никто не будет называть вас трусами! Я не буду в обиде, если кто-то решится перейти в другие экипажи. Но те, кто останется должны знать – степень риска удвоится, если не утроится. Для тех же, кто останется, командование разведки разрабатывает дополнительные финансовые и моральные поощрения. Это так! Даю на размышление одну ночь! На утреннем построении должен стоять новый экипаж! Вольно!

– Разойдись! – проорал старпом.

Аудиенция первых руководителей подводного атомохода с экипажем завершилась. Подводники не спешили спускаться в люки подлодки, собирались в группки и активно обсуждали новую для них ситуацию. Они были сплочены между собой всей своей предыдущей службой и последним походом, знали друг о друге буквально всё. Многие дружили семьями. Менять устоявшиеся годами традиции и рвать эти незримые нити мужского братства, для подавляющего большинства из них, было невыносимо. Кроме того, они понимали, что находясь на подводном флоте, будут и так ежедневно рисковать своей жизнью. Поэтому, немного посудачив, подводники сошлись на том, что от судьбы никуда не уйдешь и надо смириться с новыми обстоятельствами службы на благо Отечества. Вскоре пирс опустел. Моряки разошлись по домам. Практически у всех были семьи, и с ними также следовало посоветоваться, не вдаваясь в подробности. Собственно и подробностей пока не было. Ведь нюансы так называемой специальной деятельности узнает только новый экипаж, который должен быть сформирован на утреннем построении.

Перед Бестом подобных вопросов не стояло – решение было принято давно. Проблема заключалась в другом: как совместить несовместимое. Вечером ему предстояло познакомить свою мать с Эльзой и, в узком кругу приглашенных, отметить создание новой семьи. Он придумал некий план, который должен был обязательно сработать.

– О, Эдвард! – воскликнула мать Беста и бросилась ему на шею, едва открылась входная дверь гостевого дома, временно предоставленного молодоженам командованием разведки ВМС. – Мой мальчик, ты совсем исхудал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.